

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

И97

Серия «Эксклюзивная классика»

Christopher Isherwood
GOODBYE TO BERLIN

Перевод с английского *А. В. Курт*

Серийное оформление *Е. Д. Фerez*

Печатается с разрешения наследника автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Ишервуд, Кристофер.

И97 Прощай, Берлин : [роман] / Кристофер Ишервуд ; [перевод с английского А. В. Курт]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-122099-0

«Прощай, Берлин», впервые опубликованный в 1939 году, — самое, пожалуй, известное произведение Кристофера Ишервуда, широкой популярности которого немало послужил снятый по его мотивам Бобом Фоссом с Лайзой Минелли в главной роли фильм «Кабаре». Это произведение принято называть романом, однако с тем же успехом книга может считаться и концептуальным сборником рассказов. Рассказов, объединенных общим героем, временем и местом.

Итак, герой — небогатый молодой английский писатель. Время — странная, зыбкая, сумеречная эпоха самого начала 1930-х, незадолго до прихода к власти национал-социалистов. И наконец, место — Берлин, самый богемный из мегаполисов довоенной Европы. Декадентский, нервный Берлин «джазовой эры». Город, в котором в какой-то немислимый клубок сплетаются судьбы богемных девиц весьма нестрогих нравов, сходящих с ума от вседозволенности богачей, состоятельных еврейских интеллектуалов и многих, многих других пассажиров беспутного Ноева ковчега свободы — ковчега, который очень скоро превратится в «Титаник»...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Christopher Isherwood, 1939

© Перевод. А.В. Курт, 2020

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-122099-0

1. Берлинский дневник (Осень 1930)

Из моего окна видна широкая, монументальная улица. Винные погребки, где целыми днями горит свет, под сенью тяжелых фасадов с балконами, грязные оштукатуренные стены с рельефными завитками и геральдическими знаками. Таков и весь район: одна улица переходит в другую, застроенную домами, напоминающими старинные громоздкие сейфы, набитые потускневшими от времени ценностями и второсортной мебелью обанкротившегося среднего класса.

Я — камера с открытым объективом, совершенно пассивная, не мыслящая — только фотографирующая. Я фотографирую бредущего мужчину у окна напротив и женщину в кимоно, моющую волосы. Когда-нибудь все это будет проявлено, аккуратно отпечатано, опущено в фиксаж.

В восемь часов вечера входные двери запираются. Дети ужинают. Магазины закрывают. Зажигается электрическая лампочка над ночным колокольчиком небольшого отеля на углу, где можно снять комнату на час. Скоро послышится свист. Это молодые люди вызывают своих девушек. Они свистят, стоя на морозе под освещенными окнами теплых квартир, где уже раскрыты постели. Им бы хотелось, чтобы их впустили. Эти сигналы отдаются в глубине пустой улицы, сладострастные, тайные и печальные. Из-за свиста

мне не по себе вечерами. Он напоминает мне, что я в незнакомом городе, один, вдали от родного дома. Иногда я принимаю решение не слушать, беру книгу, пытаюсь читать. Но вот уже раздается зов столь пронзительный, настойчивый, отчаянно человеческий, что я вынужден встать и поглядеть сквозь планки жалюзи на улицу, чтобы убедиться в том, что я и так прекрасно знаю — зовут не меня.

В моей комнате удивительный запах: не то чтобы совсем неприятный — смесь ладана с черствыми булками. Высокая, ярко раскрашенная изразцовая печь похожа на алтарь, умывальник — на готический храм. Шкаф тоже готический с резными кафедральными окнами — на цветном стекле Бисмарк встречается с королем Пруссии. Мое лучшее кресло вполне сошло бы за трон архиепископа. В углу — три бутафорские средневековые алебарды из театрального реквизита, они связаны между собой и образуют вешалку для шляп. Время от времени фрейлейн Шрёдер отвинчивает наконечники алебард и полирует их. Они настолько тяжелые и острые, что ими можно убить.

Да и все в комнате в таком же духе — всюду ненужная помпезность, все ненормально громоздко и опасно остро. На письменном столе занятные металлические штуковины — пара подсвечников в виде переплетенных змей, пепельница с торчащей головой крокодила, нож для разрезания бумаги, имитирующий флорентийский кинжал. Что будет с этими вещами? Может, их поместят в музей и они сохранятся на века. А может, переплавят на пушки? Каждое утро фрейлейн Шрёдер тщательно расставляет их в определенном порядке, они стоят как непреклон-

ные свидетели ее взглядов на Общество и Капитал, Секс и Религию.

Весь день напролет она бродит по огромной запущенной квартире, бесформенная, но очень подвижная, в тапочках и цветастом домашнем халате, тщательно заколотом, чтобы не торчали нижняя юбка и корсаж, размахивает пыльной тряпкой, подсматривает, вынюхивает, сует маленький острый нос в шкафы, в гардероб своих жильцов. У нее темные блестящие пытливые глазки и довольно красивые завитые волосы, которыми она гордится. Ей лет пятьдесят пять или около того.

Давным-давно, перед войной и инфляцией, фрейлейн Шрёдер жила в относительном достатке. Свой летний отпуск проводила на Балтийском море и держала прислугу. Последние тридцать лет она живет здесь и сдает комнаты. «Люблю, когда вокруг люди», — объясняет она.

— Лиана, — говорят мне друзья, — как ты можешь? Как ты терпишь, что у тебя живут чужие люди и портят твою мебель, ведь у тебя есть деньги, чтобы быть независимой. И я всегда отвечаю одинаково: «Мои жильцы вовсе не жильцы. Они мои гости». Видите ли, герр Исиву, в былые времена я могла выбирать себе квартирантов. Могла выбирать и сдавать только людям со связями и хорошо образованным — истинным джентльменам (как вы, герр Исиву). У меня жили Фрейхер, Риттмейстер и один профессор. Они часто делали мне подарки — бутылку коньяка, или коробку конфет, или цветы. А когда уезжали домой в отпуск, всегда присылали мне открытки — из Лондона, Парижа или Баден-Бадена. И какие открытки...

А теперь у фрейлейн Шрёдер нет даже собственной комнаты. Ей приходится спать в гостиной, за ширмами, на небольшом диванчике со сломанными пружинами. Как во многих старых берлинских квартирах, наша гостиная соединяет переднюю и заднюю половины. Жильцы, заселяющие переднюю, чтобы попасть в ванную, должны пройти через гостиную, поэтому фрейлейн Шрёдер часто просыпается ночью. «Но я сразу же засыпаю снова. Это меня ничуть не беспокоит. Я слишком устаю за день». Всю работу по дому ей приходится делать самой, на отдых времени не остается. «Двадцать лет назад попробовал бы кто-нибудь предложить мне вымыть пол. Он бы у меня схлопотал. Но ко всему привыкаешь. Ко всему. Да, помню, что скорее дала бы отрубить себе правую руку, чем вынесла бы ночной горшок. А теперь... — говорит фрейлейн Шрёдер, подкрепляя слова делом. — Боже мой! Теперь это все равно что налить чашку чая!»

Она любит показывать мне разнообразные отметины и пятна, оставленные бывшими жильцами.

— Да, герр Исиву, есть что вспомнить о каждом из них... Взгляните на ковер — я отдавала его в чистку не знаю сколько раз, но что толку. Здесь стало плохо герру Носке после его дня рождения. Ума не приложу, что он там съел, чтобы устроить такое. Он приехал в Берлин учиться, понимаете. Родители жили в Бранденбурге — отличная семья, уверяю вас! Денег у них — куры не клюют! Отец — хирург, и, конечно же, ему хотелось, чтобы сын пошел по его стопам... Очаровательный молодой человек! «Герр Носке, — бывало говорила я ему, — извините меня, но вам действитель-

но нужно хорошенько потрудиться — вам, с вашим умом! Подумайте об отце и матери, не хорошо так транжирить их деньги. Лучше бы выкинули их в воды Шпрее — хоть всплеск раздался бы». Я ему заменяла мать. И всегда, когда он попадал в беду — а был он на редкость легкомысленный, — он шел прямо ко мне. «Милая Шрёдер, — говорил он, — пожалуйста, не сердитесь... Прошлой ночью мы играли в карты, и я проиграл все деньги, которые мне прислали на месяц. Не знаю, что сказать отцу...» А потом смотрел на меня своими огромными глазищами. Я отлично знала, что ему, пройдохе, нужно! Но у меня не было сил отказать. И я садилась и писала его матери письмо, умоляя ее простить сына в последний раз и выслать ему немного денег. И она всегда... Как женщина я, конечно, умела воззвать к материнским чувствам, хотя своих детей у меня никогда не было... Почему вы улыбаетесь, герр Исиву? Ну-ну! Никто не застрахован от ошибок.

А здесь герр Риттмейстер всегда ухитрялся плеснуть кофе на обои. Он любил сидеть на этой кушетке со своей невестой. «Герр Риттмейстер, — говорила я ему, — пожалуйста, пейте кофе за столом. Простите меня, но у вас еще вагон времени, на все хватит». Но нет, он всегда усаживался на кушетку! Ну и конечно, придя в возбуждение, опрокидывал чашку... такой милый господин! Его мать и сестра иногда навещают нас. Им нравится Берлин. «Фрейлейн Шрёдер, — признавались они, — вы не представляете, какая вы счастливая, что живете здесь, в самой гуще событий. А мы — несчастные провинциалы. Как мы вам завидуем! А теперь поведайте нам последние дворцовые сплетни!» Конечно, они просто шутили. У них

был прелестный домик неподалеку от Хальберштадта, в Гарце. Они часто показывали фотографии. Мечта да и только!

А видите чернильные пятна на ковре? Здесь профессор Кох любил встряхивать ручку. Я ему тысячу раз выговаривала за это. Наконец я стала раскладывать вокруг его стула промокательную бумагу. Он был такой рассеянный. Милейший пожилой господин! Я к нему очень привязалась. Если я чинила ему рубашку или штопала носки, он благодарил меня со слезами на глазах! И еще — он любил немного пошутить. Иногда, услышав, что я иду, он выключал свет и прятался за дверь, а потом рычал, как лев, — пугал меня. Настоящее дитя...

Фрейлейн Шрёдер могла часами распространяться на эту тему, не повторяясь. Выслушав очередную порцию ее рассказов, я чувствовал, что меня охватывает странная подавленность, напоминающая транс. Я начинаю ощущать себя ужасно несчастным. Где теперь все эти жильцы? И где буду я сам через десять лет? Конечно, не здесь. Сколько морей и границ мне придется пересечь, прежде чем наступит тот далекий день; где только не придется странствовать: пешком, на лошади, на машине, на велосипеде, самолете, пароходе, на поезде, на лифте, эскалаторе и трамвае? Сколько денег мне понадобится для этого грандиозного путешествия? Сколько еды должен я устало переварить за это время? Сколько башмаков износить? Сколько выкурить сигарет? Сколько выпить чашек чая и кружек пива? До ужаса безвкусная перспектива. И наконец — умереть... Что-то внезапно сжимается у меня внутри — и прошу прощения, но я удаляюсь в уборную.

Узнав, что когда-то я учился на медицинском, фрейлейн Шрёдер признается мне, что очень страдает из-за слишком большого бюста. Ее мучают сердцебиения — она уверена, что они вызваны чрезмерной нагрузкой на сердце. Может быть, нужна операция? Некоторые ее знакомые советуют ей согласиться на операцию, другие против.

— Боже милостивый, какую тяжесть приходится на себе носить. А ведь когда-то я была такой же стройной, как вы, герр Исиву, подумать только!

— Наверное, у вас было много поклонников, фрейлейн Шрёдер?

— С десятков, пожалуй, а то и больше. Но только один Друг. Он был женат, но жил с женой врозь — она не давала ему развода. Мы были вместе целых одиннадцать лет. Потом он умер от пневмонии. Когда холодно, я просыпаюсь ночью и мечтаю о том, чтобы он был рядом. Если спишь одна, никогда толком не согреешься.

В нашей квартире еще четыре жильца. За соседней дверью, в большой комнате, выходящей окнами на улицу, живет фрейлейн Кост. В той, что напротив и выходит во двор, — фрейлейн Мейер. Дальнюю, за столовой, занимает Бобби. А за комнатой Бобби, над ванной, на самой верхотуре расположена крошечная мансарда, которую фрейлейн Шрёдер неизвестно почему называет «шведским павильоном». Она сдает ее за двадцать марок в месяц коммивояжеру, который не бывает дома целыми днями, а зачастую и ночами. Иногда воскресным утром я встречаю его на кухне. Он едва волочит ноги и с извиняющимся видом стреляет коробок спичек.

Бобби служит в «Тройке». Это бар в западной части города. Его настоящего имени я не знаю. Он взял себе псевдоним, потому что в берлинском полусвете сейчас в моде английские имена. Это бледный, хорошо одетый молодой человек с жидкими маслянистыми черными волосами и беспокойным взглядом. По утрам, выпрыгнув из постели, он расхаживает по квартире в рубашке с короткими рукавами и в сеточке для волос.

Фрейлейн Шрёдер и Бобби — близкие друзья. Он щекочет ее и хлопает по заду, она может огреть его по голове сковородкой или шваброй. Увидев такое впервые, я удивился, чем привел их в некоторое замешательство. Сейчас они меня уже не стесняются.

Фрейлейн Кост — румяная блондинка с огромными глупыми голубыми глазами. Когда мы встречаемся по пути в ванную или возвращаемся из нее в ночных рубашках, она скромно отводит глаза. Она пухленькая, но фигура у нее неплохая.

Однажды я спросил фрейлейн Шрёдер напрямик:

— Кто фрейлейн Кост по профессии?

— По профессии? Ха-ха, как это мило! Именно то слово — профессия. Да, у нее замечательная профессия. Вот какая...

И с таким видом, словно она изображает что-то очень смешное, она стала вразвалочку ходить по кухне, словно утка, жеманно двумя пальчиками держа пыльную тряпку. Возле двери она повернулась и, ликуя, взмахнула ею, будто шелковым носовым платком, а потом послала мне воздушный поцелуй:

— Ха, ха, герр Исиву! Вот как они ведут себя!

— Я не совсем понимаю, фрейлейн Шрёдер. Вы хотите сказать, что она ходит по проволоке?

— Ха-ха-ха! Очень точно, герр Исиву! Именно так! То самое слово. Она ходит по проволоке, чтобы обеспечить себе существование. В точности про нее сказано!

Однажды вечером, вскоре после этого разговора, я встретил фрейлейн Кост на лестнице вместе с японцем. Хозяйка объяснила мне, что это один из лучших клиентов фрейлейн Кост. Она спрашивала фрейлейн Кост, как они проводят время, когда вылезают из постели — ведь японец по-немецки двух слов связать не может.

— Прекрасно, — ответила фрейлейн Кост, — мы заводим граммофон, едим шоколад, а потом хохочем. Он очень любит хохотать...

Фрейлейн Шрёдер в самом деле очень расположена к фрейлейн Кост и не имеет никаких претензий к ее ремеслу; тем не менее, когда она сердится на то, что фрейлейн Кост отбила носик у заварочного чайника или не поставила крестики против своих телефонных разговоров на грифельной доске, она неизменно восклицает:

— Но, в конце концов, чего еще можно ждать от женщины подобного сорта. Обыкновенная шлюха! Герр Исиву, разве вы не знаете, кем она была? Служанкой! А потом закрутила роман со своим хозяином и в один прекрасный день оказалась в известном положении... А когда эта маленькая неприятность была устранена, она пошла по рукам...

Фрейлейн Мейер поет тирольские песни в мюзик-холле. Она одна из лучших исполнительниц в этом жанре во всей Германии, как почтительно уверяет меня фрейлейн Шрёдер. Она не питает большой симпатии к фрейлейн Мейер, но относится к ней

с каким-то благоговейным трепетом. У певички бульдожья челюсть, здоровенные ручищи и жесткие крашенные волосы. Говорит она на баварском диалекте решительно и агрессивно. Дома она обычно сидит за столом в гостиной, как всадник на боевом коне. Она помогает фрейлейн Шрёдер гадать на картах. Обе они опытные гадалки и не начинают дня, не раскинув карты. Ныне их волнует одно — когда фрейлейн Мейер получит новый ангажемент. Этот вопрос сильно интересует фрейлейн Шрёдер, потому что фрейлейн Мейер запаздывает с оплатой.

В хорошую погоду на углу Моцштрассе возле балаганчика стоит оборванец с постоянно мигающими глазами. Справа и слева от него развешаны астрологические карты и восторженные письма от благодарных клиентов. Фрейлейн Шрёдер ходит к нему на консультацию, когда есть чем заплатить. В сущности, он играет главную роль в ее жизни. В отношении к нему лесть и угрозы поочередно сменяют друг друга. Если хорошее предсказание сбывается, она может поцеловать его, пригласить на обед и купить ему золотые часы; если нет — может схватить его за горло, дать пощечину, нажаловаться в полицию. Среди прочего астролог предсказал ей выигрыш в Прусской Государственной лотерее. Пока что ей не везет. Но она все время прикидывает, что будет делать с этими деньгами. Мы все, конечно же, получим подарки. Я — шляпу, так как фрейлейн Шрёдер считает совершенно неприличным для господина с моим образованием ходить без шляпы.

Если фрейлейн Шрёдер не раскладывает пасьянс, фрейлейн Мейер во время чаепития рассказывает ей о прошлых театральных триумфах:

— Импресарио говорит мне: «Фрици, ты нам послана небом! Моя прима заболела. Сегодня ты отправляешься в Копенгаген». И главное, отказа он не принимал. «Фрици, — (он всегда называл меня так), — Фрици, ты же не хочешь подвести старого друга?» Так все и шло...

Фрейлейн Мейер мечтательно прихлебывает чай:

— Очаровательный человек. И такой воспитанный.

Она улыбается:

— Немножко фамильярный, но он всегда знал, где и как себя вести.

Фрейлейн Шрёдер охотно кивает, жадно вслушиваясь в ее слова, упиваясь ими:

— Думаю, эти импресарио — сущие бестии (не хотите ли еще колбаски, фрейлейн Мейер?).

— Благодарю вас — малюсенький кусочек. Да, некоторые из них... вы не поверите! Но я всегда держалась очень строго. Даже когда была девушкой.

Кожа голых мясистых рук фрейлейн Мейер начинает покрываться неаппетитной рябью. Она выпячивает челюсть:

— Я баварка, а баварцы никогда не прощают оскорблений.

Вчера, зайдя в столовую, я обнаружил, что обе женщины лежат на животе, прижав ухо к коврику. Время от времени они переглядывались и обменивались довольными ухмылками или игриво подталкивали друг друга, одновременно восклицая: «Ш-ш-ш...»

— Слышите, — прошептала фрейлейн Шрёдер, — он сокрушит мне всю мебель!

— Он всю ее ломает, — взывала фрейлейн Мейер.

— Эй! Вы только послушайте.

— Ш-ш-ш!..

— Ш-ш!

Фрейлейн Шрёдер просто превзошла себя. Когда я спросил, в чем дело, она вскочила, переваливаясь, подошла ко мне и, взяв меня за талию, попыталась закружить в вальсе.

— Герр Исиву! Герр Исиву! Герр Исиву! — Тут она остановилась, чтобы перевести дух.

— Что случилось? — спросил я.

— Ш-ш! Тише! Они снова начали! — доложила фрейлейн Мейер.

В квартире под нами живет некая фрау Глантернек. Она из галицийских евреев — этого достаточно, чтобы фрейлейн Мейер считала ее врагом. Кроме того, встретившись однажды на лестнице, они повздорили из-за пения фрейлейн Мейер. Возможно, потому, что она не арийка, фрейлейн Глантернек сказала, что кошачий концерт и тот приятнее пения фрейлейн Мейер, то есть оскорбила не просто певицу, но всех баварцев, всех немецких женщин. И фрейлейн Мейер сочла своим долгом отомстить за них.

Две недели назад соседям стало известно, что фрау Глантернек, которая в свои шестьдесят лет страшна, как смертный грех, поместила в газете брачное объявление. Более того, появился претендент на ее руку — вдовый мясник из Галле. Он видел фрау Глантернек и тем не менее готов был жениться на ней. Вот тут и появилась возможность отомстить. Окольными путями фрейлейн Мейер выяснила имя и адрес мясника и написала ему анонимное письмо. Знает ли он, что у фрау Глантернек: а) в квартире клопы, б) что она была арестована по обвинению в подлоге, но была освобождена, так как ее признали ненормальной, в) что она сдавала свою спальню в дур-

ных целях и после этого спала в постели, не поменяв белья?

Теперь мясник с этим письмом прибыл к фрау Глантернек. Их обоих можно было слышать вполне отчетливо — рычание разъяренного пруссака и пронзительные крики еврейской дамы. То и дело раздавались тяжелые глухие удары кулака по дереву и иногда звон стекла. Гвалт этот длился больше часа.

Сегодня утром мы узнали, что соседи пожаловались привратнице, а фрау Глантернек видели с подбитым глазом. Помолвка расторгнута.

Жители нашей улицы уже узнают меня. В бакалейной лавке люди больше не оборачиваются на мой английский акцент, когда я прошу взвесить фунт масла. После наступления темноты три проститутки на углу уже не шепчут мне приглушенно «*Komm, Süßer*»*, когда я прохожу мимо.

Этим трем уже за пятьдесят. Они и не пытаются скрыть свой возраст, — не злоупотребляют ни пудрой, ни румянами. Одеты они в мешковатые, старые шубы, длинные юбки и шляпы, как у почтенных дам.

Я случайно упомянул о них при Бобби, и он объяснил мне, что женщины этого сорта нередко имеют спрос. Многие мужчины среднего возраста предпочитают их девочкам. Эти женщины ухитряются даже завлекать подростков. Мальчишка стесняется своих сверстниц, но не боится женщин в возрасте, годящихся ему в матери. Как большинство барменов, Бобби — великий знаток в сексуальных вопросах.

На днях я зашел к нему в бар.

---

* Пойдем, сладкий (нем.). (Здесь и далее примеч. перев.)